

В первый день холодов Паша пришел в класс в своем новом зеленом пальто и, не снимая его, сел за парту.

Учительница русского языка и литературы, скользнув удивленным взглядом по ученику, попросила его встать и повернуться. Пока Паша крутился, рассказывая, что это пальто сшили ему дома, учительница подумала: «Боже, это скорее гоголевская шинель, чем детское одеяние. Из чего же оно сшито?» – и вслух попросила: «Вот что, Павел, передай родителям, чтобы завтра пришли в школу».

Отцу, горькому пьянице, Паша говорить об этом не стал. Сказал маме. Мама, услышав, что ее опять вызывают в школу, заплакала. Она и так устала от постоянных проблем: пьянства мужа, каторжного труда на заводе и ночных подработок за швейной машинкой.

Кроме мамы в семье было еще три женщины: две сестры и парализованная бабушка. Все жили в одноэтажном сталинском бараке на окраине города, в маленькой комнате без кухни, туалета и холодильника. Правда, холодильник в семье был и не нужен. Все съедобное съедалось раньше, чем оно могло испортиться.

Вот с одеждой было сложнее. Одежду дети носили по очереди.

В раннем детстве сверстники даже и не подозревали, что Павлик – мальчик, потому что с пеленок он носил обноски старшей сестры. Лишь когда Павлик пошел в первый класс, мама из бабушкиной юбки сшила ему первые брюки. В пятом классе Павлик за зиму три раза переболел воспалением легких, тетя-врач сказала маме, что без теплого пальто мальчик следующую зиму

не переживет. Тогда мама сшила Павлу из бабушкиного балахона добротное пальто.

Бабушка, когда еще могла говорить, рассказывала, что этот балахон ранее был великолепной пелериной из зеленого двухслойного французского драпа, который перешел к ней от ее мамы, фрейлины великой княгини Ольги, дочери российского императора Александра II. Вначале пелерина была отделана горностаеями, но со временем их срезали, а драповую основу перешили в зимний балахон для катания бабушки на коньках во дворе Смольного института благородных девиц.

История этого зеленого драпа, то в виде подарочного материала от императорской семьи, то в виде горностаевой пелерины, то институтского балахона, была длинна и многообразна, но сам материал оставался так же крепок и свеж, как сто лет назад. Поэтому первый выход Павла на улицу в обновке произвел настоящий фурор. На фоне ослепительно-белых сугробов он буквально полыхал зеленым пламенем.

Кто-то смеялся, кто-то сочувствовал. Но равнодушных не было.

Со временем Павел стал замечать, что пальто своей необычностью сделало его «иконой стиля». Все местные девчонки были влюблены в Павла. А для парней он стал непререкаемым авторитетом. Даже папа наконец заметил, что носит его сын, и попытался пальто отнять. Впрочем, безуспешно: сам он к этому времени от вина совсем ослаб, а Павел вошел в мужскую силу. Поэтому, получив от сына отпор, отец понял, что его пьяная тирания в семье закончилась. И он, плюнув на порог дома, ушел жить к своим друзьям в заводскую кочегарку.

Мама долго не могла поверить в это. А когда наконец поверила, расплакалась от счастья.

Старшая сестра после ухода папы поняла, что жить в семье можно без скандалов и ссор.

Младшая увлеклась рисованием и нарисовала странный рисунок: в форточку влетает целое облако разноцветных, невероятно красивых бабочек.

Глядя на этот рисунок, Паша невольно задумался о своей жизни и своем будущем. Представил своего отца. От этого ему стало холодно. Он схватил зеленое пальто, накинул и побежал на улицу, повторяя про себя: «Нет, нет, я не буду таким, как он».

В этот же день жизнь Паши резко изменилась.

Вечером в темном переулке Павел и его дружки, окружив толпой случайного мужика, попросили у него закурить. Но мужчина ничуть не испугался. Он переспросил:

– Чего вам, детки, я не понял?

– Чего-чего, курить давай, а заодно и деньги, – повторил басом кто-то из пацанов.

Дядька опять не испугался и, попросив ребят успокоиться, сказал, что курить – здоровью вредить, а деньги надо не просить, а зарабатывать.

От этих непонятных слов ряды друзей Паши сильно поредели. И Паша, чтобы не уронить свой авторитет, решил ударить мужчину. Размахнулся – и мимо.

Мужик стоял и спокойно смотрел на Павла. А тот – удивленно – на свои кулаки.

Наконец дядька устало вздохнул и, сказав: «Эх, ребятки, ребятки...» – резко ткнул Павла в живот кулаком. От удара в глазах у Павла сверкнуло, и он, задохнувшись, рухнул на землю.

Потом Павла подняли за шиворот и приволокли в спортивный клуб, где этот дядька был тренером по боксу.

Так Павел стал боксером.

Пока до армии Павел потел и тренировался в спортивном клубе, дружки его все испарились: кого посадили, кого зарезали, а кто отравился дешевым вермутом. Так что, когда пришло время исполнить воинский долг перед Родиной, Павел один из всего барака оказался к этому готов.

На проводы пришла только девушка из соседнего барака. Она призналась Павлу, что он ей давно нравится, подарила ему свою фотографию с надписью «На вечную память» и поклялась дожидаться его из армии.

Когда Павел уходил из дома на призывной пункт, мама его перекрестила.

Старшая сестренка обняла.

Младшая подарила рисунок с бабочками.

Даже папа ради такого случая пришел на проводы и напился, как всегда, до беспамятства. Врач скорой помощи, приехавший на вызов, сказал, что отец до утра может не дожить. По всем законам выходило, что Павлу в этом случае должны были дать отсрочку. Однако тренер по боксу, посмотрев на все эти проводы, посоветовал как можно быстрее, почти бегом, идти служить Родине.

Так Павел и сделал: чемодан в руки, зеленое пальто под мышку – и на призывной пункт. Там его зачислили в десантные войска и загрузили в вагон.

В эшелоне, набитом новобранцами под самую крышу, Павел в своем зеленом пальто сразу привлек внимание сержантского состава и был назначен главным экспроприатором домашних булок, колбасок и наливок у новобранцев для начсостава.

Куда их всех везли, было военной тайной, но Павлу как человеку, приближенному к желудкам сержантов, сказали по секрету, что состав идет в Прибалтику, в учебную дивизию по подготовке сержантов ВДВ. А Прибалтика для новобранцев из центра России была той же заграницей. Настроение сразу поднялось.

Через сутки, темной ночью, весь эшелон пересадили в грузовики и долго везли по дремучим литовским лесам. Остановились на какой-то поляне, где светили прожектора и лаяли собаки. «Покупатели», то есть представители воинских частей, начали отбор новобранцев.

Павла, человека уже отличившегося, сержанты порекомендовали командиру учебной разведроты. Посмотрев на парня в зеленом пальто, на его кулаки и заставив его подтянуться двадцать раз, командир кивнул: «Пойдет».

Так Павел попал в учебную часть для подготовки младших командиров.

Учебная часть стояла в дремучих литовских лесах.

Сержанты и офицеры с первой минуты старались превратить новобранцев в настоящих защитников Отечества. Передвижение только бегом, стрельба, прыжки с парашютом, газовые атаки, рукопашные бои и днем и ночью. Проглотить еду – первое, второе и третье – полагалось за две минуты.

Командир роты, гвардейский капитан, прохаживаясь перед строем и постукивая шомполом от пулемета по своему идеально гладкому сапогу, учил уму-разуму будущих сержантов:

– Курсанты, пока вы еще сопливы, прыщавы и немощны. Но я обещаю, что через полгода вас не узнает никто, даже родная мать. Вы будете сильны, быстры и отважны, как ваши доблестные отцы, деды и прадеды – воины несокрушимой русской армии. Пусть до этого пока далеко. Но это будет. Вы станете такими же. Потому что служба здесь для вас будет просто лучшими днями вашей жизни. И я клянусь, что вы станете настоящими десантниками – страшным кошмаром для всех врагов нашей великой Родины.

Время шло. Бывшие новобранцы получили звание сержантов, и их направили в войска. Исчезли в прошлом и шомпол, и капитан, и жуткий холод ночных учений. Новоиспеченных сержантов литовский народ провожал надписями: «Прощай, Иван!» Не хотела прощаться лишь одна молодая литовка – гарнизонная буфетчица, к которой регулярно ходил за пирожками Павел, надевая для конспирации вместо солдатской шинели свое зеленое пальто.

В Каунасе на сборном пункте всех сержантов группами распределили по дивизиям: кого в Фергану, кого в Молдавию, кого в Рязань. Павла – в Азербайджан.

Его группа до Тбилиси доехала без приключений. В Тбилиси паек закончился, и Павла, как единственного владельца гражданки, отправили за едой.

Он, накинув поверх тельняшки свое зеленое пальто, вышел на площадь перед вокзалом.

Вокруг – никого.

Ночь.

Все закрыто: и магазины, и буфеты.

Только слева от вокзала, под пальмой стоял одинокий старик в бурке с большим горбатым носом, длинным посохом и козой на веревке.

Павел подошел к нему, снял пальто, поприветствовал и спросил: «А скажи, отец, где бы мне, воину, купить продукты в этом прекрасном городе, где, я слышал, живут самые приветливые и щедрые люди на свете?»

Вскоре Павел, едва соображающий от выпитой чачи и окруженный толпой поющих грузин, загружался в свой вагон с тремя огромными бурдюками вина, жареным барашком и целой корзиной фруктов и овощей. И еще долго слышались под стук удаляющихся колес мелодичные песни щедрых грузин.

Поутру прибыли в Баку. Поезд умчался, а сильно уставших от такой дороги сержантов к вечеру доставили в их воинскую часть.

Разведрота, в которой пришлось служить Павлу, была расположена на краю небольшого городка в ста километрах от Баку. Половина жителей этого городка были азербайджанцы, а половина – армяне, и жили они очень дружно.

Вокруг части в воздухе все время висела одна и та же песня с тягучей однотонной мелодией с непонятными словами. Павел никак не мог понять, почему местные жители называли «это» песней? Понял потом, со временем, когда по-настоящему разглядел природу этой страны, ощутил величие и красоту этих мест.

Утром из-за гор в молочно-серебристой дымке медленно-медленно поднималось солнце, обнажая пологие склоны, освещая долины. Первые лучи, как музыкант пальцами, нежно трогали аккорды таинственных звуков. Торжественно, не спеша просыпалась, отряхиваясь ото сна, вся природа. Горы, вспыхивая бликами, тянулись к небу. И в этой,

только что абсолютной, тишине, от которой резало уши, все громче и громче сама собой начинала звучать музыка, протяжная и тягучая, как утренний туман в долине.

Это пели горы, долины, реки...

В воинской части пели совершенно другие песни: «Щечки словно снегири, снегири. Губки-ягодки горят».

У каждого воина под подушкой хранилось фото любимой девушки, ну а если таковой не было, то фото Фиделя Кастро или Юрия Гагарина.

Фотография же Пашиной соседской девушки месяц как была обвешана траурной лентой. Она его обманула, не дождалась. Вышла замуж за парня из своего барака. Пашино горе было так велико, что штатные стукачи тут же доложили об этом замполиту. Замполит как душевный человек пригласил Павла к себе домой, в семью, чаю попить, военный блок НАТО поругать.

Семья его состояла из скупающей молодящейся жены и дочки.

Павел скромно сидел за столом, пил чай и улыбался жене и дочке. Замполит наизусть цитировал принципы Морального кодекса строителя коммунизма. Но чаепитие прервала тревожная сирена в части. Начались учения по Южному военному округу.

Учения были тяжелыми, со сложным десантированием и длительным выживанием. И оказывается, учения были объявлены не зря: разразился международный конфликт на Синайском полуострове. Глава государства объявил по телевизору, что в СССР есть добровольцы из воздушно-десантных войск, которые хотят оказать содействие одной из сторон конфликта. Павла как отличившегося на учениях включили в состав батальона добровольцев, погрузили в самолет и отправили в сторону конфликта. Павел едва успел отправить свое пальто домой, маме.

После успешного завершения военной операции добровольцев, уже героев, вернули не в Баку, а в Каунас. Там, на плацу перед строем, им вручили правительственные награды, что давало возможность поступить в любой вуз страны вне конкурса. И после дембеля Павел поехал не домой, а в город-герой Ленинград.

С орденом, полученным за защиту интересов Родины на Синайском полуострове, Павел легко поступил в Ленинградский юридический университет. Получив приказ о зачислении и место в общежитии, он отбыл наконец-то к себе – на малую родину.

Тем более что перед тем как отправиться добровольцем на войну, он отослал зеленое пальто маме. И теперь решил забрать его с собой на учебу.

Дома произошли кое-какие изменения. Умерла бабушка.

Папа после проводов сына остался дома.

Мама перестала шить на соседей и принялась за изготовление самопальных джинсов из крашеного брезента.

Старшая сестра помогала ей, успешно продавая эти джинсы местному мужскому населению. Младшая стала помогать и сестре, и маме.

Упаковав зеленое пальто в чемодан, Павел поцеловал маму, с порога помахал сестренкам, папе и умчался в город-герой Ленинград.

В университете учиться было интересно.

Экономику преподавал ветхий профессор с клюшкой, выходец из какой-то полудикой народности, обитающей в Нерчинске. Туда некогда ссылали декабристов, а затем большевиков и троцкистов.

Профессора этого студенты прозвали Шаманом. С детства одна нога у него была короче другой, и поэтому на охоту соплеменники его не брали. Вот он и читал единственную на весь Нерчинск книгу «Капитал» Карла Маркса, забытую кем-то из ссыльных революционеров. А читая, так полюбил это чтиво, что выучил его наизусть. И когда этот парень вырос, он приехал в Ленинград. Здесь ему без диссертации как представителю малой народности присвоили звание профессора и направили в университет преподавать политэкономияу загнивающего капитализма.

Павлу тяжело давалась политэкономия, и поэтому бесконечные пересчеты приходилось сдавать уже не в университете, а на дому у профессора. А так как это происходило часто, то он подружился с профессором. Тот поил Павла крепким нерчинским травяным чаем и с ностальгией рассказывал о крае, где он родился. О красоте тех мест, об огромном городе Нерчинске и о замечательных людях, проживающих там, об охотниках, золотодобытчиках и безвинно ссыльных. Павел слушал и верил, что есть такое сказочное место. Он мечтал попасть туда. Увидеть все своими глазами. И попал, и увидел, но это было уже в другой стране и при другом государственном строе.

После второго курса предмет профессора закончился, и Павел за ненужностью отошел от встреч с чаепитием.

После третьего курса Павла и еще двух студентов отправили на месячную практику в город Ригу. Руководитель практики принял студентов в своем кабинете и вместо практики отправил их в Юрмалу, к себе на дачу, полоть и поливать грядки. А поскольку Юрмала была курортной зоной с огромным количеством ресторанчиков, никто не стал возражать против такой повинности.

Дочь руководителя практики, коренная рижанка, в выходные устраивала практикантам экскурсии по столице, красивому древнему городу. Начинала она с центра Риги. Там она произносила длинные патетические речи о свободе малых народов. От столь длинного и туманного предисловия экскурсанты скучали и расходились кто куда.

Через месяц эта практика закончилась, и Павел вез в Ленинград бутылочку «Рижского бальзама» и сувенир – открытку с видом Домского собора.

На последнем курсе, перед самым распределением, будущим выпускникам вдруг назначили лыжный кросс в двадцать пять километров.

Может, кому-то эта дистанция и могла показаться смертельной, но только не Паше. Он был уверен на все сто процентов, что с кроссом проблем не будет. И не было бы. Если бы накануне забега к Паше не подошел его давний университетский друг, который попросил помочь перевезти мебель своей знакомой, заведующей детским садом, со старой квартиры на новую.

Другу Павел отказать не мог. Поэтому, надев зеленое пальто, поехал грузить мебель.

Когда мебель привезли к новой квартире, там помощников ждала подруга хозяйки, тоже заведующая, но гастрономическим отделом магазина.

Павел от счастья, что попал в одно дело с женщиной из гастронома, таскал мебель как ломовая лошадь, то и дело уговаривая свой голодный желудок немного потерпеть.

Наконец, перетаскав и расставив всю мебель, сели за стол. Хорошо выпили и закусили.

Очнулся Паша под самое утро и понял, что до кросса осталось не более часа. В две минуты он покинул теплую компанию и помчался на кросс.

На старте быстро надел лыжи и рванул что было сил. Пробежав километров пятнадцать, Павел потерял темп, и за спиной стало раздаваться требование:

– Лыжню!

Павел не уступал, а прибавлял.

Но проходило какое-то время, и сзади опять слышалось настойчивое:

– Лыжню!

Павел знал, кому принадлежал этот голос. Одному въедливому и настырному парню из параллельной группы.

Наконец Паша сдался и уступил лыжню.

И тот, жилистый, промелькнул мимо Паши как тень.

Потом, на распределении, икнулся Паше этот кросс и этот обгон.

Комиссия рассматривала две заявки: одну, из разведки, в германскую группу войск – мечта каждого студента; вторую, из милиции, в Нижнеокск – ужас каждого студента. Ну и, конечно, кто-то в комиссии вспомнил, как настырный и жилистый обошел Пашу на лыжном кроссе, и того, настырного и жилистого, распределили в Германию, а Пашу – в Нижнеокск.

В Нижнеокске Павел попал на работу в районный отдел милиции. Начальник отдела, приняв во внимание то, что Павел не был женат и жилья у него тоже не было, поставил его на вербовку женской агентуры. Работая там, Павел мог жить на одной из конспиративных квартир у своей резидентши.

Только Павел оформил заявку на деньги для оплаты агентурных сообщений, как грянула перестройка. Финансирование прикрыли, агентура разбежалась, конспиративные квартиры поотбирала. Милиционерам стало непонятно, чем заниматься.

Бандиты превратились в уважаемых людей.

Начальник отдела милиции был честным ментом. Он послушал радио, посмотрел телевизор, собрал личный состав милиции и сказал: «Вот что, ребята, стране пришел конец. Идите, куда хотите, я так жить не могу», вынул пистолет и застрелился.

Павел стреляться не хотел. Хотелось еще пожить. После похорон начальника Павел написал рапорт о своем увольнении из отдела милиции. Сдал оружие, удостоверение и остался без работы и без денег. А так как за столь короткую трудовую деятельность в милиции особых капиталов не нажил, то решил продать свое зеленое пальто.

Приехал на центральный рынок, встал в ряд барахольщиков. Но тут его узнал один из оперативников, дежуривших на рынке. Он подошел к Павлу, пригласил к себе в кабинет. Они разговорились, выпили коньячку, и оперативник предложил ему стать директором рынка. Бывшего директора два дня назад застрелили. Павел посмотрел на свое зеленое пальто, на опера, на коньяк с хорошей закуской на столе и согласился.

Директорствовать было нетрудно. Рынок работал как большой хорошо отлаженный механизм.

Внутри и вокруг рынка кормились сотни и тысячи людей, начиная от цеховиков-миллионеров, кончая собирателями ящиков, коробок

и мусора. Но карманников, гадалок и прочих аферистов было ровно столько, сколько надо. Ни одного лишнего.

К весне Павел довел работу рынка до совершенства. Власти это заметили и создали на базе Пашиного предприятия торговое объединение, доверив ему обслуживать продуктовыми пайками партийную элиту города. Но длилось это недолго.

В августе по телевизору вдруг стали каждый день с утра до вечера показывать балет «Лебединое озеро». Когда, наконец, балет прекратился, диктор объявил, что запретили Коммунистическую партию. Партийная элита исчезла. Пайки раздавать прекратили.

Началась приватизация.

Однажды Павлу позвонил знакомый железнодорожник и сказал, что у него в тупике стоят два вагона из Москвы, битком набитые ваучерами для Татарстана. Казань получать их отказалась. Они там решили жить независимым государством, отдельно от России и Москвы. Свой президент, свое правительство, свои ваучеры. А ему, железнодорожнику, позарез нужны пустые вагоны. Вот он и предложил Паше разгрузить эти никому не нужные казанские ваучеры на рынке. Может, он их цыганам, торгующим семечками, предложит под пакетики.

Вагоны Павел освободил. Но цыгане от ваучеров отказались. Бумага на пакетики не годилась, жестковата.

Тогда Павел дал команду записать эти тюки с ваучерами в самые дальние подземные склады рынка, чтобы не мешали. И совсем про них забыл.

А через полгода начались аукционы, где за ваучеры продавали весьма интересные объекты казенной недвижимости.

И только за ваучеры.

За большое количество ваучеров.

За тысячи, миллионы.

У простых людей один, два, иногда десять ваучеров – не более.

А у Павла целых два вагона.

На эти ваучеры он купил Центральный универмаг, ликероводочный завод, женскую хоккейную команду с тренировочной базой в Югославии, тюрьму, вернее, один из ее корпусов, и главную башню Нижнеокского кремля. На весь кремль ваучеров уже не хватило. Закончив оформление новой собственности, Павел вызвал в Нижнеокск всю свою семью. И каждого определил в совладельцы вновь приобретенных объектов недвижимости.

Самым прибыльным оказался бизнес, связанный с тюремным корпусом. На верхних этажах Павел обустроил камеры люкс: с баром, телевизором, джакузи, водяными матрасами, музыкой для релаксации, едой из лучших ресторанов города.

Была там и дополнительная услуга – бронирование камер.

Городская элита: политики, бизнесмены, силовики, воры – стала дружить с Пашей. Каждому хотелось забронировать (так, на всякий случай) камеру класса люкс. Все прекрасно понимали, что если кто и не сидит в тюрьме, то это пока. Так что лучше подстраховаться и заранее обеспечить себе место за решеткой получше, помягче и посытнее.

Вторым доходным предприятием оказалась кремлевская башня. Проход через башню Павел сделал платным. Расчет был прост: власть была и всегда будет, и ей положено сидеть в кремле. И все, кто захочет к этой власти попасть, будет платить.

А пока на верхнем ярусе башни организовал музей. Правда, с единственным экспонатом: своим зеленым пальто. Оно висело в стеклянном шкафу с бронзовой табличкой: «Зеленое пальто, из которого вышла вся элита новой России».

Люди из любопытства стали заходить в музей. Приходили и иностранцы. Одни смеялись, другие удивлялись.

Швейцарец, который приходил чаще всех, постоянно рассказывал про свою Швейцарию, и до того красиво, что Паша усомнился в радости проживания на своей исторической родине. Видя Пашино замешательство, швейцарец пригласил его к себе в Швейцарию: «Приезжайте. Мы вас встретим, накормим, напоим, все покажем, все расскажем». Вдруг и у Паши появилось желание стать гражданином этого сказочного государства.

– С гражданством при ваших капиталах проблем не будет, – заверил он Пашу, – но для того чтобы у вас все прошло быстро и гладко, надо все ваши деньги перевести на наши, швейцарские, счета.

Послушал Павел его, послушал и поехал в эту сказочную страну, посмотреть, что да как.

Визу получил в течение часа.

В аэропорту Цюриха Пашу встречали на роллс-ройсе у самого трапа самолета.

Затем был переезд до города Лугано. Там недалеко располагалась русская колония, которая была основана русскими в начале девятнадцатого столетия, когда в эту страну никто не ехал. Тогда Швейцария набирала переселенцев со всего мира.

Благообразный староста провел для Паши экскурсию по этой русско-швейцарской деревне. Говоря ровно и не торопясь, он показывал прудик с красными карасями, баню с березовым веником и хлебным квасом.

Паша еще немного подышал горным воздухом этой нарисованной страны, понял, что это не его, и вернулся к себе в Нижнеокск, в свою любимую Россию, где всё непонятно, но свое, родное.

В городе как раз начались выборы в городскую думу. Первые демократические. Павел как настоящий патриот города, страны и демократии решил стать депутатом.

Свою избирательную кампанию вместе с пятью кандидатами по выбранному ими округу начал мирно и спокойно. На встречи с избирателями они все ходили обнявшись. И во всем поддерживали друг друга.

Но вдруг всех кандидатов в депутаты собрали в избиркоме. И там американские консультанты по внедрению демократии в недемократической России стали учить, как проводить настоящие свободные выборы. Оказывается, все всё делали неправильно.

– Вам, кандидатам в депутаты, надо не помогать и поддерживать друг друга, а наоборот, ругать друг друга, оскорблять и даже обзывать. В этом истинная западная демократия.

Наиболее понятливые начали прямо там, на этом обучении, спорить, ругаться и поливать друг друга водой и соком.

Все хотели научиться настоящей демократии.

Научился и Павел. Он стал ходить на встречи с избирателями в своем зеленом пальто, говорить проще, драться и ругаться со своими конкурентами. Электорату это очень понравилось. И Павла с огромным отрывом от остальных кандидатов избрали депутатом в первую городскую демократическую Думу.

На следующий день после выборов было торжественное собрание с вручением депутатских значков и удостоверений. Всех вновь избранных депутатов перед началом сессии пригласил к себе сам губернатор.

Когда-то, в советские времена, губернатор был простым аспирантом в закрытом химическом институте. Жил до перестройки тихо и смиренно. Но, наслушавшись «Голоса Америки», решил, что самым правильным и лучшим в мире государством являются Соединенные Штаты. И когда объявили гласность и демократию, он быстро надел майку с американской статуей Свободы, джинсы и стал устраивать митинги и пикеты со своими единомышленниками с требованиями, чтобы в России все было точно так, как там, в его любимой Америке.

Милиция его как организатора несанкционированных митингов и пикетов задерживала. Его единомышленники, которые подрабатывали у Паши на рынке грузчиками, прибегали к Павлу и просили вытащить их товарища из милиции. Павел звонил своим знакомым милиционерам, аспиранта отпускали. И так было несколько раз.

И не стать бы нашему химику никогда губернатором Нижнеокской области, если бы не его величество случай.

Через год после путча первому президенту России во время посещения воинской части Нижнеокского гарнизона срочно надо было подписать государственные бумаги. Все тогда было на ходу. Рядом ни стола, ни стула.

Президент покрутил головой туда-сюда и подозвал проходившего мимо «партизана», чтобы использовать его спину как стол. Этим «партизаном» и был химик, находившийся в этой воинской части на краткосрочных армейских сборах.

Он не посмел отказать президенту. И, полусогнувшись, подставил свою спину.

Президент стал подписывать бумаги. Среди этих бумаг был и указ о назначении губернатора в Нижнеокскую область, но без фамилии. Там, где должна была стоять фамилия будущего губернатора, был пробел. Уже год область была без главы, никто из его президентского окружения в провинциальный Нижнеокск ехать не хотел.

Наш первый президент был человеком неординарным и скорым на решения. Он снова покрутил головой туда-сюда и вдруг спросил свой временный «стол»:

– Как твоя фамилия?

«Стол», то есть наш химик-аспирант, ответил.

Президент взял да и вписал в бланк своего указа фамилию этого временного «стола». Да еще так ткнул ручкой, ставя точку, что новоявленный губернатор подскочил от боли.

Сунув указ «партизану» в руки, президент сказал:

– Властвуй!

Новоиспеченный губернатор не растерялся, не смутился. Он тут же стащил с себя армейскую форму, натянул джинсы и майку со статуей Свободы и помчался из воинской части в Нижнеокск.

Приехал и давай показывать драгоценную бумагу друзьям по митингам, предлагая им идти и брать власть в свои руки. Друзья читали, но мало кто верил, что эта бумага настоящая. Было непонятно, с какой это радости президент России поставил пацана в джинсах во главе целой области. Все это было очень подозрительным. И поэтому идти с ним в

кремль никто не соглашался. Одно дело просто шуметь на митингах, а другое дело – отвечать за судьбу многомиллионной области.

Тогда химик-аспирант и решил навестить Павла. Пришел и спрашивает:

– Как ты относишься к нашему президенту?

Павел уже слышал эту невероятную историю с назначением химика губернатором и осторожно ответил:

– К президенту-то я отношусь хорошо.

– А раз так, то читай...

И протянул Павлу указ президента.

Указ был коротким: такой-то, то есть наш химик, назначается губернатором Нижнеокской области со всеми вытекающими из этого указа последствиями и полномочиями. Ниже следовала дата и подпись президента.

Павел прочитал. Посмотрел на химика.

– Настоящий?

– Обижаешь, президент сам лично на мне подписывал. Я ему для этого спину свою подставил. Он меня даже ручкой ткнул. Вот, смотри.

Химик, ловко изогнувшись, задрал футболку. Паша увидел на тощей спине будущего губернатора, справа от позвоночника, слабое красное пятнышко.

– Видишь?

Паша не стал спорить, что он видит – след от президентской авто-ручки или всего-навсего пятно на спине, просто сказал: «Вижу».

– А раз видишь, помоги мне власть взять, и уж тогда...

Что «тогда», он не договорил. Может, не знал, что «тогда», а может, уже знал, но говорить не хотел. Но глаза его горели.

Павлу стало жаль этого парня, который, в общем-то, ничего плохого не хотел, а хотел только свободы, равенства и братства для жителей Нижнеокской губернии.

Многие этого хотели в России, и много раз. Вот только никто не знал, как этого добиться. Как правило, все получалось наоборот: свобода становилась тюрьмой, равенство – спецпайками, а братство превращалось в коррупцию.

Павел, глядя на этого вертящегося у зеркала парня в футболке со статуей Свободы и джинсах, опять замялся. Уж больно дело необычное. И как власть «братъ», Паша не знал. В кино видел, что власть братъ – дело, конечно, полезное, но опасное. Можно за это или пулю в лоб получить, или петлю на шею.

Но все же Павел решил рискнуть:

– Идем, – сказал он химику. – Только прикрой американскую футболку хотя бы вот моим пальто.

Химик Пашино зеленое пальто надел, статую Свободы прикрыл, и они уже вдвоем спустились из башни на территорию кремля. Решительно подошли к парадному входу обкома партии Нижнеокска.

В здании обкома после запрета Коммунистической партии никого не было, кроме одного-единственного постового, старшины милиции. Тот, пользуясь ситуацией, за отдельную плату проводил экскурсии и потихоньку распродал мебель из пустых кабинетов. Правда, мебель была не ахти какая, сделанная в колониях заключенными. Павел тоже купил у него кресло бывшего первого секретаря обкома КПСС. Почему-то оно было очень тяжелое. Паша еле донес его до своей башни, а затем отправил это кресло к себе, на малую родину, в свой старый барак.

При подходе к зданию обкома будущий губернатор с шага перешел на бег. Подбежал к двери. Дернул ее. Дверь оказалась закрытой. Он стал руками, а затем ногами стучать в нее.

Из-за двери выглянул милиционер. Увидев Пашу, он заулыбался, подумал, что тот пришел прикупить очередной стул. Но химик тут же сунул ему в руки указ президента.

Старшина улыбаться перестал. Посмотрел на человека в джинсах, в майке с американской статуей Свободы и зеленом пальто. Указ взял, еще раз оглядел химика в странном одеянии и спросил:

– И что?

– А то. Ты нашего президента признаешь?

– Признаю, – растерявшись от напора странного человека, сказал старшина.

– А раз признаешь, тогда читай.

Старшина медленно прочитал указ. И даже перевернул его несколько раз. Посмотрел на свет.

Химику не терпелось. Он достал свой паспорт:

– Вот я и есть тот самый назначенный губернатор.

Старшина взял паспорт, указ, сравнил фамилии, неожиданно нырнул назад, в здание, и, резко хлопнув дверью, заперся.

Будущий губернатор бросился за ним и стал с остервенением дергать дверь, потом стучать, настойчиво повторяя:

– Товарищ милиционер, товарищ милиционер...

Но дверь не поддавалась. Поняв, что ему не откроют, химик сник. Снял зеленое пальто и бросил под ноги Паше:

– Ну вот, и пальто не помогло.

Павел пальто поднял, встряхнул и повесил на ручку обкомовской двери.

– Не спеши, – и, приложив ухо к двери, прислушался. Там, за дверью, что-то происходило. Паша поднял вверх палец, дав знак химику: «Замри». Химик замер. Так они стояли минут пять. Тишина. Прошло еще пять минут.

Наконец они поняли, что захват власти не удался. Потоптавшись еще немного, Паша снял пальто с ручки, бросил себе на плечо и, не глядя на химика, собрался уходить.

Но тут дверь здания обкома партии распахнулась, и милиционер, отутюженный, побритый, в полной парадной выправке, отбивая подошвы, строевым шагом подошел к химику. Взглядом споткнулся об изображение американской статуи на футболке новоиспеченного губернатора, но, покосившись на пальто в руках Паши, рывкнул во все горло, приложив руку к козырьку:

– Товарищ... то есть господин губернатор, здание бывшего обкома КПСС находится под охраной, – и, покосившись теперь на Пашу, добавил уже тише: – За мое дежурство происшествий не случилось.

Новоиспеченный губернатор, поняв, что произошло что-то невероятное, отдал честь старшине и тут же назначил его начальником всей охраны кремля, а заодно присвоил ему звание майора.

Вот двери власти распахнулись, и губернатор, пока еще робея, вступил в свои владения.

Лифты не работали, и они втроем, петляя по лестницам и гулким коридорам, пешком поднялись на пятый этаж здания. Погремев связкой ключей, только что назначенный начальник охраны открыл кабинет первого секретаря обкома партии.

Губернатор тут же прошел за письменный стол и стал глазами искать себе кресло. Павел переглянулся с новым начальником охраны и подвинул губернатору простой стул. Тот недовольно поджал губы. Старшина, то есть уже майор, увидев недовольное лицо шефа, стремглав бросился в коридор и через пару минут притащил кресло из соседнего кабинета.

Губернатор, оглядев стройный ряд телефонных аппаратов с гербами Советского Союза, поднял одну из трубок спецсвязи и представился:

– С вами говорит губернатор Нижнеокской области, недавно назначенный лично президентом Российской Федерации... Да, именно... господин генерал. Так что прошу ко мне на доклад в кремль, немедленно.

Положил трубку, задумчиво посмотрел на старшину и устало махнул ему рукой:

– Охрана свободна.

Милиционер, пятясь, вышел. Химик опять взял трубку, но с другого гербового телефона, услышав голос, зажал рукой динамик трубки, посмотрел на Павла и сказал:

– Ты тоже свободен. Да, вот еще что... Ты это, того, Паша, пальто-то выкинь куда-нибудь. А то оно какое-то несерьезное. Еще узнают, что я, губернатор, его надевал, разговоры пойдут нехорошие... В общем, ты меня понял... Я тебе потом другое подарю. Модное и не зеленое. Хорошо?

– Конечно, выкину, не волнуйтесь, – ответил Паша, почему-то перейдя на «вы». И вышел из кабинета. Спустился вниз. Попрошался со старшиной, который уже пришивал майорские погоны, и направился к себе, в башню.

Пальто, конечно, Паша не выкинул. Убрал пока с глаз подальше.

И вот теперь уже заматеревший губернатор вышел к народным избранникам из своего кабинета модно подстриженным и в пиджаке от Юдашкина. Сказав речь о будущем торжестве демократии под его руководством в Нижнеокской губернии, он, сославшись на важные государственные дела, отпустил депутатов, а депутата по двадцать девятому округу попросил задержаться и пройти к нему в кабинет.

Двадцать девятый был у Павла.

Войдя в кабинет, Павел с полупоклоном обратился к первому лицу области:

– Слушаю вас, господин губернатор.

– Да брось ты все эти штучки – «губернатор», поклоны. Мы же друзья.

– Конечно, – вяло согласился Паша.

– Скажи, а почему у тебя на башне нет моего портрета?

От столь неожиданного вопроса Паша растерялся.

А губернатор добавил:

– Скоро к нам приедет делегация из Америки. У тебя на башне, у входа в мой кремль, нет моего портрета. Там исторически всегда висели портреты, а у тебя – тарифы. Непорядок.

И точно, над самым входом в башню, в нише размером метр на полтора, Павел повесил тарифы на вход и въезд в кремль. Когда-то в этой нише была размещена православная икона хранителя города, после революции икону убрали и повесили портрет Троцкого, потом Ленина, затем Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева.

– Виноват, исправлюсь, – быстро отреагировал Павел, – повесим ваш портрет, господин губернатор, завтра же.

На следующий день рабочие, сняв тарифы в нише на кремлевской башне, повесили портрет губернатора на фоне звездно-полосатого американского флага.

Приехавшая американская делегация заметила и портрет, и флаг и выразила губернатору свое одобрение. Он, счастливый, повез их на экскурсию на крупнейший оборонный завод страны, расположенный в Нижнеокске. До перестройки там производили атомные подводные лодки. Эти гигантские субмарины во время холодной войны наводили панический ужас на американцев. Теперь на этом заводе резали на куски эти атомные подводные крейсеры, а из их титановых корпусов клепали питьевые бачки на полтора ведра для сельских поликлиник. С краниками и кружками на цепочках.

А губернатор еще долго объяснял рабочим завода, что теперь воевать нам не с кем, армия нам не нужна, корабли порежем, самолеты переделаем, танки переплавим. И американцы сделают то же самое: переделают все свои атомные подводные лодки на питьевые бачки, а все эсминцы – в круизные лайнеры...

Народ слушал и ничего не говорил. Кто его знает? Может, и правда все будет так, как утверждает этот молодой симпатичный губернатор. Может, наконец сбудется мечта человечества, все станут братьями, и не будет ни войн, ни голода, ни горя.

Молча люди расходились по своим рабочим местам клепать питьевые бачки. Но что-то не клепалось. Так ли все это? Как бы не остаться в очередной раз в дураках. Сколько раз слушали, верили, а потом опять начинали по новой строить заводы и создавать армию, только уже кровавым потом и каторжным трудом.

Пока Павел занимался выборами, портретом, делегацией, исчезла младшая сестра.

Оказалось, она уехала в Забайкалье по зову какой-то секты. Там при необъяснимых обстоятельствах ее задержала милиция и отправила в Нерчинский спецлагерь. Оттуда сестра прислала Павлу весточку с просьбой о помощи. Павел тут же выехал Нерчинск.

Пока добирался, сердце его трепетало: город-легенда. В сознании его проносились ссылка, декабристы, их преданные жены.

Хромой профессор, уроженец этих мест, на своих лекциях очень часто рассказывал студентам-романтикам об этом удивительном интеллектуальном крае, где уже четыре века в местах заключения куются свободолюбивые идеалы и лучшие люди общества.

Еще на подлете к Нерчинску Павел был неприятно удивлен скучной и неряшливой природой этих мест. Бесконечные сопки монотонно тянулись под вертолетом, изгибаясь вверх и вниз. Леса были все сожжены напрочь и торчали обуглившимися полусгнившими шпалами из безжизненной земли. Ни птицы, ни зверя на сотни километров. С вертолета все это напоминало лицо небритого полупьяного бомжа, всеми забытого – и родней, и Родиной.

В душу стало закрадываться нехорошее предчувствие обмана, гибели прекрасной легенды.

Подлетели. Вертолетчики скинули его на землю на центральной площади у покосившегося памятника Ленину, показали на пальцах: через сутки здесь же, и, как от зачумленного места, шустро улетели.

Первым живым существом, которое Паша встретил в абсолютно безлюдном и безмолвном городе, была тощая, едва передвигающая копыта корова. Кожа ее, больше похожая на древний пергамент, плотно обтягивала скелет, и ребра проступали как обручи.

Это животное оценивающе посмотрело на Павла, помотало своим выжатым, как мочалка, выменем и, поняв, что это объект для него несъедобный, поплелось дальше по центральной улице города.

Неожиданно подул ветер и вместе с пылью выволок откуда-то старую, полусгнившую желтую газету.

Чуть живая корова вдруг встрепенулась и, разбрасывая копыта в разные стороны, рванула за газетой. Догнала. Высунула свой шершавый язык, неторопливо подобрала газету и, медленно ее зажевывая, поплелась за угол, махнув на прощание своим жидким, как нитка, хвостом.

Павел еще долго ходил по безлюдным улицам Нерчинска среди полуразрушенных и недостроенных зданий, нигде больше не встречая никаких признаков жизни.

Наконец Паша набрел на спецлагерь, где, по всем сведениям, должна была находиться его младшая сестра. Но он был пуст. Не хватало только патриотической надписи: «Все ушли на фронт».

Темнело, и Павел решил искать жильё для ночлега. Долго ходил по поселку, пока не уперся в стену какого-то странного сооружения, похожего на православный храм и на буддийскую пагоду одновременно. В это сооружение вела дверь. На двери была вывеска «Музей».

Паша открыл дверь и вошел в здание.

Здесь, внутри, было все как во всех музеях: окошечко с надписью «Касса» и женщина, сидевшая рядом на стуле, очевидно, родственница профессора Шамана, с таким же разрезом глаз.

Посмотрев на Пашу своими прекрасными раскосыми глазами, она спросила, улыбаясь:

– Вы на экскурсию?

– На экскурсию, – машинально ответил Павел.

– Проходите, – сказала она, все так же приветливо улыбаясь. Паша купил билет и она провела его по залам. После экскурсии эта милая женщина, жившая, кстати, прямо в здании музея, поставила кипятить чайник, достала варенье и ввела Пашу в курс нерчинской жизни.

Оказалось, что спецлагерь, в котором должна была находиться сестра, давно не финансируют, вот поэтому там нет ни света, ни тепла, ни телефона, ни охраны. А всех, кого сюда присылали, начальник лагеря, местный житель, направлял работать на частные золотые прииски. И младшая сестра Павла наверняка на каком-нибудь из этих приисков. Хранительница музея пообещала сходить к начальнику домой и все разузнать о сестре.

Кстати, оказалось, что музей живет за счет пожертвований того же начальника местного спецлагеря. Когда Паша поинтересовался, зачем «это» начальнику надо, женщина, немного помявшись, повела его в какое-то дальнее помещение.

Едва переступили порог и зажегся свет, Павел очутился в огромном сказочном дворце. Все вокруг сияло и светилось так, словно вдруг зажглись тысячи ламп. Стен не было. Вместо них стояли гигантские зеркала от пола до потолка и от угла до угла. Они занимали весь периметр зала, делая его бесконечным.

– Что это?! – воскликнул Паша.

– Это сокровище, из-за которого и существует наш музей, – ответила хранительница.

И рассказала, что зеркала эти привезли сюда в девятнадцатом веке с Парижской выставки нерчинские золотопромышленники, когда здание еще только начали строить. Два года везли эти зеркала в Нерчинск на санях и телегах через всю Европу, Урал, Сибирь, и довели. Вначале поставили зеркала, а уже затем достроили здание. Музей давно бы лишился этих реликвий, но никто, в том числе и начальник колонии, до сих пор не придумал, как их вытащить из музея и на чем вывезти.

Зеркала были невероятно тяжелыми, на свинцовой основе, в ажурных бронзовых рамах. Размеры зеркал поражали: метров десять в ширину и три в высоту.

Павел неспешно обошел зал. Было что беречь и чем гордиться.

Потом они попили чаю, и хранительница музея ушла разузнать, где сейчас находится сестра Павла. Вернувшись, сообщила, что сестра точно работает поварихой у местных золотодобытчиков. Завтра утром начальник ее привезет.

Заодно она сказала, что начальник мужик хороший, и если с ним договориться, он вообще сестру отпустит домой прямо с Пашей.

Поутру начальник привез младшую сестру, похудевшую и уставшую. Пока хранительница отпаивала ее целебными настоями, Павел с начальником сели выпить. Начальник рад был новому человеку. Разговорились. После третьей рюмки начальник отдал документы на сестру Павлу и сказал, что освобождает ее, а через полчаса стал уверять Павла, что упадок этого края временный.

– Зо... золота здесь – во!.. – и начальник провел рукой себе по горлу. – И я верю, что придут другие времена, и опять будут добывать золота так много, что вся жизнь этого края возродится. Тогда и спецлагерь мой снова заработает. А мне зачем это предпринимательство, я заключенных хочу охранять. Мой прадед, дед и отец были начальниками лагерей, и я хочу продолжать семейную династию.

И начальник вдруг вскочил, выбежал в зеркальный зал и там стал отдавать себе строевые команды, многократно отражаясь в зеркалах. Замаршировал, как на плацу, поворачивая направо и налево. И так ловко у него это получалось, что, казалось, по залу ходит целая конвойная рота.

Смотрительница спокойно глядела на все это, видимо, привыкла, а Паше сказала:

– Вы собирайтесь потихоньку. Он будет долго маршировать. А вертолет ждать не будет.

Прилетел вертолет, и Павел с сестрой покинули это историческое место.

Вертолетчики доставили их в Улан-Удэ. Там они пересели на самолет. На следующий день были дома.

В Нижнеокске к этому времени произошло радостное событие. Губернатора-химика наградили орденом «...за успехи в становлении демократии и успешное построение капитализма в отдельно взятой губернии».

По этому случаю губернатор давал бал в Гербовом зале кремля. Павел тоже был приглашен.

Играл оркестр.

На подиуме в центре зала рядом с губернатором роилась его свита. Почти вся она состояла из новых лиц. Его бывших соратников, с которыми он вместе когда-то строил палаточные городки на центральной площади, борясь за демократию и гласность, здесь не было.

После тронной речи губернатор сошел с подиума в зал, и на сцене началось представление. Вначале выступили «маленькие лебеди» из театра оперы и балета. Затем хор из глубинки спел три песни о родном крае. И наконец, приглашенный столичный музыкант исполнил свою музыкальную фантазию на барабане.

Затем начался банкет.

Паша, потоптавшись в общем зале, пошел в буфет. И там обнаружил столичного гостя, музыканта-барабанщика. Вместе выпили. Маэстро после третьей рюмки обнял Пашу и стал рассказывать, что у него есть заветная мечта написать симфонию для органа с барабаном.

Они выпили за симфонию, и маэстро пожаловался, что из-за перестройки накрылось бюджетное финансирование музыкальных проектов. А новые русские не дают денег на искусство, дают только на футбол, хоккей и теннис. Вот если бы нашелся такой патриот, который профинансировал бы его мечту, то маэстро первый в истории России получил бы в Америке мировую музыкальную премию «Золотая нота».

– А что для этого надо? – наивно спросил Паша.

– Нужен орган.

– Да... – загрустил Павел, – органа у нас в городе нет.

Но тут к ним подошла буфетчица, извинилась и сказала, что до перестройки была не буфетчицей, а преподавателем в консерватории, где теперь находится боулинг. Так вот, еще ее бабушка, профессор все той же консерватории, рассказывала ее маме, что перед самой революцией 1917 года на деньги прогрессивной музыкальной молодежи был куплен в Голландии орган и собран в особняке Дворянского собрания Нижнеокска. Потом в это здание большевики решили заселить аптекоуправление. Любители музыки до того, как в Дворянское собрание заехали революционные фармацевты, успели сколотить перед органом глухую фанерную перегородку и, как им казалось, надежно спрятали орган от уничтожения.

Время от времени в аптекоуправлении делали ремонт. Фанерную перегородку рабочие то красили, то наклеивали на нее обои... И перегородка с годами превратилась в капитальную стену. Буфетчица предположила, что орган так и стоит там, за перегородкой.

Маэстро даже подпрыгнул от радости. И они поехали в аптекоуправление.

Но в этом бывшем дворянском особняке аптекоуправления уже не было. Здание было пустым, без окон и дверей. Там бродили местные бомжи в полуобморочном состоянии.

Но стенка стояла нетронутая.

Павел тут же взялся за дело. Через неделю выкупил здание. Потом рабочие сломали стену. И изумленным взорам присутствующих открылся великолепный орган.

Маэстро подбежал к органу и стал нежно гладить великолепный инструмент. Гладил и твердил: «Орган и барабан, орган и барабан...» Потом заставил Пашу крутить какое-то колесо, а сам стал играть одной рукой и одной ногой на органе, а другой ногой и другой рукой стучать по барабану. Музыка звучала странная, но за душу брала!

Все были в полном восторге.

Маэстро как опытный человек разъяснил, что получение американской премии – это очень сложный процесс и что кроме таланта и органа нужны деньги. А у него денег нет. Поэтому ему нужен продюсер с деньгами.

Продюсером сразу же согласился стать Павел.

Вначале все шло великолепно. Павел отремонтировал здание. Купил новый барабан. Вызвал из Голландии мастеров, те настроили орган. Дело двигалось.

Как-то, слоняясь по башне в творческом безделье, маэстро обнаружил шкаф, а в нем зеленое пальто. Мама рассказала ему историю этой семейной реликвии. Маэстро удивленно вынул пальто из шкафа и примерил. И, пораженный оригинальностью его покроя и удивительной историей драпа, заявил, что будущая симфония будет называться «Зеленое пальто». Так как он в этом пальто видит всю Россию. Россию прошлого, настоящего и будущего.

Через год маэстро написал свою органно-барабанную симфонию «Зеленое пальто». Пришла пора собираться в Америку на всемирный музыкальный конкурс в Лос-Анджелесе.

Перед самым отъездом маэстро привел американца, бывшего одессита, представляющего одну известную японскую корпорацию, и заявил, что серьезные люди предложили поставить главным продюсером их проекта этого американца. А Павла перевести в ассистирующие продюсеры. Иначе, мол, не видать участникам проекта первой премии как своих ушей.

Павел, не колеблясь ни минуты, согласился. В то время ни Павел, ни маэстро не представляли разницы между главным продюсером и ассистирующим продюсером.

С помощью нового продюсера им быстро открыли американские визы, и они полетели в Америку.

Америка встретила их солнечным днем, официальными таможенниками и русскоязычным таксистом армянской национальности.

Одна за одной пошли встречи. Дни были очень насыщены мероприятиями.

Наконец в огромном лимузине их подвезли ко Дворцу музыки для вручения премии «Золотая нота» в номинации «Самое оригинальное иностранное произведение».

На бордовой дорожке под вспышками сотен фотоаппаратов в смокинге красовался сам маэстро.

Когда ведущая церемонии вскрыла конверт и объявила имя победителя, им оказался маэстро с его симфонией «Зеленое пальто». Зал дружно зааплодировал, и все бросились обнимать маэстро.

На Павла никто не обращал внимания.

Павел немного потолкался среди звезд и незаметно покинул Дворец музыки. Пошел купаться в Тихий океан. Разделся догола и стал плавать. Плавал долго. Когда же приплыл к берегу, то сразу понял, что эта «продвинутая» Америка мало чем отличается от «темной» России.

Во-первых, у него украли всю одежду, а во-вторых, добирался Павел до гостиницы, прикрывшись лопухом, который сорвал в припляжной американской канаве.

На следующий день маэстро исчез.

Оказалось, его повезли в гастрольное турне по всему миру. А Павла организаторы фестиваля посадили в Лос-Анджелесе в самолет и отправили назад, в Россию.

Вернулся Павел, конечно, с впечатлениями, но уже бедным, так как все свои деньги потратил на создание симфонии маэстро.

Пришлось продать свою кремлевскую башню и всю остальную собственность.

На вырученные деньги Павел заплатил налоги и оплатил работу голландских мастеров за демонтаж органа, который увезли вслед за маэстро в неизвестном направлении.

Слава богу, старый барак на малой родине, где Паша вырос, не сломали. Туда Паша с семьей и вернулся. В их старой комнате о счастливых временах Нижнеокска напоминало лишь обкомовское кресло, которое Павел когда-то переслал сюда во избежание неприятностей. Кресло было добротное, большое и занимало почти полкомнаты.

Решили кресло вынести. Но первые попытки закончились ничем. В дверь оно не проходило. В окно не пролезало. Как его вообще сюда занесли, осталось загадкой.

Папа, недолго думая, предложил разрубить кресло и вынести его частями.

Он нашел топор и, вспомнив армейскую молодость, попытался одним ударом разнести кресло в щепки. Но после сильнейшего удара топор отскочил, отколов от спинки только одну маленькую щепку. На лезвии же топора обозначилась внушительная зазубрина, словно удар пришелся по металлу.

Все удивились и стали тщательно осматривать кресло.

Нет, кресло, конечно, было деревянное.

Но внутри него оказался металл. Стало понятно, почему оно было таким тяжелым.

После долгой, кропотливой работы обухом топора кресло все же развалилось. Деревянная часть его была превращена в щепки, а под щепками обнаружены два десятка металлических брусков толщиной с детскую руку и длиной с четверть метра.

Что это такое – никто не знал. И для чего – тоже.

Папа предположил:

– Для солидности – чем кресло тяжелее, тем начальник солиднее.

Младшая сестра выдвинула свою версию: это обкомовское кресло было чем-то вроде бронекресла. Защита от террористов.

Можно было еще придумывать версии, но факт оставался фактом. На полу среди щепок лежали металлические бруски. Солидные и тяжелые. Одной формы. Но разного цвета.

Желтого и серебристого.

Пригласили безработного инженера-технолога из соседнего барака взглянуть на эти бруски. Тот быстро определил, что это золото и платина. Общий вес оценил килограммов в пятьдесят.

Едва услышав это, Паша, прихватив по одному бруску разного цвета, побежал к скупщику, чтобы проверить заключение технолога.

Павел примерно догадывался, откуда в этом кресле взялись драгметаллы.

В советские времена в дремучих лесах Нижнеокской области на секретных заводах за колючей проволокой было налажено производство атомных и водородных бомб, электронная начинка которых содержала

большое количество драгоценных металлов. И там же, на этих же заводах, только в других цехах, выполняя указание партии, параллельно делали товары народного потребления – табуретки, стулья, кресла. Вот эти кресла, то есть товары народного потребления, надо думать, и были тайным каналом хищения драгметаллов.

Но тут грянула перестройка. Началось разоружение. Заводы в лесах закрыли. Лагеря ликвидировали. Все разбежались: и те, кто воровал драгметаллы, и те, кто их покупал. Наступил хаос.

И, очевидно, в этот период всеобщего хаоса кресло с начинкой из похищенных драгметаллов попало не по адресу.

Павел припомнил, что, когда покупал кресло у старшины, интересовался, почему оно такое тяжелое. А старшина ему:

– Бери-бери, на нем сидел сам первый секретарь обкома партии, оттого оно и тяжелое.

Наконец Павел добрался до скупщика, которого знал с детства, тот работал в пункте приема вторсырья, а заодно скупал краденые вещи у пацанов и жуликов.

Он Павла узнал. Бруски оценил и денег дал столько, что они едва поместились в рюкзак. Но Паша случайно увидел в зеркале, каким алчным взглядом скупщик провожает каждую упаковку переключаемых в рюкзак денег, и понял, что надо бежать с уютной родины, пока скупщик не сообщил бандитам.

Дав сестрам приличную сумму денег, Павел посоветовал им быстро раствориться на необъятных просторах Родины.

За маму и папу Павел не беспокоился. Их знали на родине как голь перекатную, с которой взять было нечего.

А сам, забрав из дома остальные бруски, быстро улетел через Москву на Кипр.

Приземлился в Ларнаке. Поселился в тихой гостинице, где и познакомился с замечательным человеком, настоящим донским казаком, губернатором Краснорайского края. Оказывается, тот знал маэстро и очень любил его симфонию «Зеленое пальто», а здесь отдыхал после длительной борьбы за власть с краевым прокурором.

За разговором и кипрским вином Павел подружился с краснорайцем и, проникшись к новому знакомому доверием, показал ему свой груз и рассказал историю появления драгметаллов.

Губернатор сразу поверил в Пашину историю с кладом в кресле. В советские времена драгметаллы в больших количествах использовались на оборонных заводах.

Осмотрев бруски, новый товарищ принял самое активное участие в операции по превращению драгметаллов в деньги. Когда они вышли из банка с четырьмя чемоданами долларов, он предложил Паше спрятать деньги у его землячки здесь, на Кипре. Она жила и работала на территории госпиталя английской военно-морской базы недалеко, под Ларнакой. «Там надежнее», – уверил он. Павел согласился.

Сдав на хранение ей три чемодана с деньгами, Павел с губернатором загуляли. По-русски, с размахом. Устав пить и гулять, казак-губернатор предложил вернуться на родину и посетить его вотчину – Краснорайский край. И они, собрав вещи, покинули этот средиземноморский рай.

Надо отдать должное новому другу Паши: он не забыл про него и не потерял случайно по прилете домой, как обычно бывает у людей после курортного знакомства.

В аэропорту Краснодарска губернатора и Пашу встречали с почетом. На следующий день друг-губернатор предложил ему купить самый шикарный гостиничный комплекс «Даголыс». Павел спросил о цене. Губернатор ответил, что деньги не самое главное, а главное – дружба и взаимопонимание между хорошими людьми.

Паша подумал и согласился. Пора было заводить свое новое дело. Душа творчества просила. Да и деньги зря лежали на английской базе.

К тому же Паше пообещали поддержку все московские чины – гости в Краснодарске. А это многое значило.

Пока оформлялись документы, казак-губернатор отправил Павла на вертолете в самое заповедное место Кавказа – Салах-Абул, отдохнуть, насладиться природой горного края.

Вертолетчики высадили Павла у одинокой избушки старика-пасечника. Кругом тишина, горы и сказочная природа.

Хозяин Салах-Абула встретил его как родного. В избушке были очаг, шашлык, вино. В программе: прогулка на конях, купание в хрустальной ледниковой реке, отдых и еще раз отдых.

Но только присели по приезду за стол, как бешено, взхлеб, залаjali два сторожевых волкодава. К избушке не спеша спускались с гор бородатые люди, все одетые в походное обмундирование и в полной военной экипировке.

Спускались они молча, не обращая на выбежавших из избушки людей никакого внимания. Когда их количество достигло сотни, волкодавы с лая перешли на вой и уползли под телеги. А бородачи по-хозяйски поставили палатки и разожгли костры.

К пасечнику подошел их командир и вежливо поздоровался. Сказал, что он и его товарищи идут помочь абхазцам в их справедливой войне за независимость.

– Беда, ой, беда! – запричитал пасечник и позвал командира в дом. Тот, что-то крикнув своим нукерам, принял приглашение.

За столом разговорились. Оказалось, что этот бородатый служил в десантных войсках в Азербайджане.

Паша внимательно пригляделся. Попросил снять тельняшку и, когда увидел вытатуированные на его груди все этапы укладки десантного парашюта, понял, кто перед ним. Только у одного человека во всех воздушно-десантных войсках была такая татуировка: у чеченца-пулеметчика из Пашиной разведроты.

Теперь стал понятен внимательный взгляд командира чеченских воинов. Он-то сразу узнал Павла. А Паше его узнать борода помешала.

Они обнялись. Стали вспоминать армейскую жизнь, не забывая при этом про вино. Честно сказать, пулеметчик пил мало, чего нельзя было сказать о Паше.

Тост, еще тост... а потом провал.

Поутру об отряде напоминали только темные пятна костров и следы армейских ботинок. Дед-пасечник, спасибо ему, отпоил Пашу горячим чаем.

Но неожиданности еще не закончились. Только Павел стал настраиваться на эту тихую, спокойную пасечную жизнь, как в небе затрещало – и на поляне приземлился личный вертолет казака-губернатора.

Но самого его в вертолете не было. Вертолетчики сообщили, что губернатора день назад перевели в Москву, назначив главой администрации президента. Перед отъездом он велел своему преемнику доставить Павла в Краснодарск. Правда, зачем – не пояснил.

Павел бодро прыгнул в вертолет и в хорошем настроении стал прикидывать, что теперь их с губернатором кипрская дружба распространится не только на «Даголыс», но и на всю Россию.

Но надо было еще долететь до Краснорайска. А с вертолетом что-то происходило. Он то нырял вверх, то вниз, то вправо, то влево. Пашу замутило. Он открыл иллюминатор и высунулся из вертолета.

А вертолет вошел в пике. И через секунду машина, ломая вековые сосны, рухнула на камни.

Паша вылетел наружу через открытый иллюминатор.

Скатившись по косогору ниже вертолета, застрявшего среди стволов, он плюхнулся в омут, образованный поворотом горной речушки. И не успел Паша вынырнуть, как наверху что-то сильно грохнуло, и вертолет огненным шаром, сжигая все на своем пути, промчался мимо вниз по ущелью.

Паша вылез из воды. Огляделся. Вертолет догорал в ущелье. Экипажа нигде не было видно. Павел выломал толстую палку и осторожно, с камня на камень, стал спускаться с гор.

Спускался двое суток. На третьи он вышел на милицейский блокпост.

Милиционеры посадили Пашу в уазик и повезли в Краснорайск. Оказывается, его разыскивала вся милиция Краснорайска по личному поручению нового губернатора.

Павел умылся, поел и из Краснорайска поехал в «Даголыс».

Отдохнув там несколько дней, он уже хотел лететь в Москву, как по телевизору сообщили трагическое известие, что его друг-казак скоропостижно скончался от сердечного приступа в Москве, прямо в своем кремлевском кабинете. Не успел Павел переварить новость, как к нему приехали какие-то серьезные люди и выдворили его из «Даголыса». Павел не стал сильно расстраиваться из-за этой потери. Сел в самолет и улетел на Кипр.

Землячка покойного губернатора оказалась умницей и отдала Паше деньги. Но половину. А вторую, как она поведала Павлу сквозь слезы, завещал ей их общий покойный друг.

Паша не стал возражать. Забрал то, что дали. Два дня отдохнул и, придя в форму, решил вернуться в Нижнеокск. Деньги у него были. Надо восстанавливать свой потерянный бизнес. Павел полетел в Нижнеокск.

Город сильно изменился за время отсутствия Павла.

Губернию заволокли бандиты, крышевавшие весь бизнес.

Предприниматели стали закрывать свой бизнес и разбегаться в те губернии, где был порядок.

Поняв, что и как, Паша пошел к губернатору. Предложил идею, как побороть преступность: «Надо вооружить газовым оружием всех бизнесменов. Если он, губернатор, поможет, то Павел не только на свои деньги закупит, но и привезет это оружие из Германии. Но нужен самолет».

Самолет губернатор дал, обещал помощь и в остальном.

Когда Ил-18 приземлился во Франкфурте-на-Майне, посмотреть на него сбежался весь летный и технический персонал аэропорта. Такой древней рухляди они никогда не видали. Ходили вокруг самолета, стучали по корпусу, цокали языками и не понимали, как он долетел, не развалившись на части при таком длительном перелете.

В аэропорту самолет уже ждали. Быстро организовали загрузку газового оружия. Самолет набили, что называется, под завязку ящиками с оружием и патронами.

Павел расплатился, и Ил-18 побежал по взлетной полосе. Надо отдать должное мастерству пилотов: самолет четко и красиво взлетел под бурные аплодисменты франкфуртских зевак. Сделал круг почета и, покачав на прощание крыльями, взял курс на Россию.

Через пять часов приземлились в Нижнеокске. Груз вначале арестовали, но после долгих разбирательств и вмешательства друзей из Москвы весь груз был возвращен Павлу.

Паше пришлось из-за непредвиденных расходов увеличить продажную цену единицы товара вдвое. Несмотря на это, у магазинов, которые торговали газовым оружием, образовались огромные очереди из предпринимателей.

Торговля шла бесперебойно. Народ, занимавшийся бизнесом, вздохнул. Крышевальщики уши поприжали.

Газовое оружие бесплатно получили бригады скорой помощи, директора школ, интернатов и почтальоны, разносившие пенсии. В городе стало спокойнее.

Но все чаще и чаще к Паше стали захаживать в гости ребята, которые в перестройку, перестреляв воров, подмяли под себя нелегальные финансовые потоки в Нижнеокске, а потом перебрались жить в Москву. Но Нижнеокск не забывали.

Вот этих ребят губернатор боялся больше местных бандитов. Когда они приезжали в Нижнеокск, он прятался в своей загородной резиденции «Зеленый бор», где чувствовал себя в безопасности. Туда эти ребята, вооруженные пистолетами, не ездили, зато свободно гуляли по кремлю, заходили запросто в пустой кабинет губернатора, рылись в его бумагах.

Милиция в эти дела не вмешивалась.

Павел же был со столичными гостями в приятельских отношениях и по просьбе губернатора исполнял роль парламентаря при их наездах.

Когда столичным гостям вдруг стало понятно, что торговля газовым оружием приносит Паше большие деньги, они просто этот бизнес у него отняли. Ничего личного.

Но и их, этих ребят, накрыли с украденным у Паши бизнесом уже другие, более влиятельные люди.

Неожиданно был принят закон о свободной продаже травматического оружия. Газовое оружие стало неконкурентно. И отнятый у Паши бизнес тут же рухнул.

Тем временем в Нижнеокске ситуация все же стабилизировалась. Павел вернул себе кремлевскую башню. А губернатор-химик стал думать о том, чтобы перебраться на повышение в Москву. Для решения этого вопроса к нему прилетел один очень влиятельный кремлевский олигарх с дамой – советницей самого президента. Они закрылись в «Зеленом бору» и двое суток о чем-то разговаривали. В резиденцию не велено было пускать даже самых приближенных.

Ясно было одно: происходит что-то серьезное.

Через неделю после этого визита губернатор умчался в первопрестольную, а вечером из новостей нижеокцы узнали, что их губернатор занял большой пост в российском правительстве.

Несмотря на то что все ссылались на волю президента, отъезд больше походил на побег.

Но Нижнеокск не был брошен: губернатор-химик оставил вместо себя временно исполнять свои должностные обязанности главу одного из северных районов. Человека «из народа», который когда-то носил русскую рубаху с пояском, ходил в кирзовых сапогах, смазанных дегтем, и в разговоре ворочал на «о» не хуже Алеши Пешкова. Бывший губернатор выбрал его своим преемником за предприимчивость: тот первым в области и, как потом выяснилось, в России после объявления приватизации продал все земли своего района в частные руки.

Через месяц бывший губернатор, теперь большой человек в российском правительстве, позвонил Паше из Белого дома и неожиданно предложил стать министром в российском правительстве. И ответ надо было давать немедленно. Паша подумал, подумал и согласился.

Купил билет в Москву. Собрал чемодан, уложил в портфель документы и вызвал такси, чтобы ехать на железнодорожный вокзал.

Уже уходя, остановился перед шкафом, где висело его зеленое пальто.

На мгновение задумался: «Братъ, не братъ?»

Решил не братъ...

Спускаясь по лестнице с башни, почувствовал себя как-то неуютно, одиноко. Ноги не шли. Вернулся.

«Как же я буду без него? – подумал Павел, глядя на свое зеленое пальто. – Нет, без него нельзя. Без него я помру, как эмигрант без родины. Оно всегда спасало меня: в детстве тело, а затем душу. Оно как Россия: кроили его – перекраивали, использовали, как хотели, и я в том числе, но вот оно висит и ждет, когда я опять о нем вспомню, – и снова роднее его нет». Даже слезы выступили на глазах у Паши, и стало стыдно за себя, за свое поведение.

Вынул он пальто из шкафа и аккуратно уложил в чемодан. После чего сразу ощутил в душе уверенность, а в ногах – легкость.

Спустился с башни, сел в такси и поехал на Московский вокзал – покорять столицу.